

* * *

Общежитие. Пьяный физик врывается в комнату и кричит:

- Ребята! Здесь историков нет?
- Нет.
- Жаль. Некому морду набить!

ИЗ ЛЕКЦИЙ КРОЙЧИКА

«Мы забили гвоздь первыми, и доска – будьте спокойны! – будет держаться!»

«Думайте о ребенке! С водой можете его вылить и не чихнете!»

«О своем герое ты должен знать всё, вплоть до того, на каком боку он спит!»

«Формулу, как жить, каждый выводит сам. Но помогают её выводить многие».

«...ликующие животные побуждения».

«Милиционер, который охранял картины, привезенные из Дрезденской галереи, увидел «Спящую Венеру» Джорджоне. Спящая своей светлой наготой на фоне пейзажа она была удивительна. Он долго молчал, вглядывался, а потом сказал: «Вот, глядите... Голая – а не стыдно». Эта простая «рецензия» таит в себе великий смысл. Прекрасное – всегда прекрасно! И не стыдно!»

«Начинают всегда с малого. В первый день Бог создал небо и землю».

«Журналист – литератор на бегу».

«Всегда исходите от впечатления. Тогда это не будет банально».

«Роскошный заголовок над пустяковой заметкой – это все равно, что кавалерийское седло на козе».

ТАТЬЯНА ШАФОРОСТОВА (ШИМКЕВИЧ)

«С ТЕХ ПОР ПРОШЛА ВЕЧНОСТЬ, НАЗЫВАЕМАЯ ЖИЗНЬЮ...»

Воспоминание первое. Еду в троллейбусе на вступительное сочинение в университет, мандражирую по полной. Внезапно вижу девушку, от лица которой больше уже не смогла оторваться: спокойствие, умиротворенность всем происходящим, нежность и доверчивость были в нем! Да и сама девушка – полная противоположность мне, необыкновенно изящная, гибкая, женственная, очень красивая. Потом оказалось, что это была Лариса Федосенко, моя будущая сокурсница. Сама того не ведая, она помогла мне расслабиться и отвлечься от панических мыслей по поводу предстоящего испытания.

Воспоминание второе, гораздо более значительное. Куратором у нас был Вадим Георгиевич Кулиничев, в те годы ещё совсем молодой человек, позволяющий даже называть себя (вне стен университета) просто по имени. Я в число приближенных к нему особ никогда не входила, субординацию свято

блюла – привычно побаивалась и уважала. Первое – и самое яркое – воспоминание о нём относится ко времени отработки в колхозе на втором курсе в сентябре 1970 года. Летом я уезжала в Волгоградскую область, а вовремя вернуться не смогла – там ввели карантин в связи со случаями заболевания холерой. И продержали нас там почти до конца сентября. С деканатом я созванивалась, причину отсутствия объясняла, но нервничала по этому поводу ужасно: знала, что однокурсники «пашут» в колхозе, а я вынужденно отлыниваю от этого святого дела в холерном крае. Как только вернулись в Воронеж, кинулась в деканат за информацией – куда мне выезжать. Секретарь мне назвала деревню, куда вывезли наших. О времени их возвращения она ничего не знала, связи с ними не было. Сказала, что старшим там Кулиничев.

Я выехала в тот же день, чтобы «железно» иметь возможность утром выйти на полевые рабо-

Вадим Кулиничев на сцене Театра миниатюр ВГУ

ты. Деревня, – мне кажется, что это была Рогачевка, но, возможно, я ошибаюсь – оказалась достаточно далеко, да и автобусы туда ходили нечасто, так что я выгрузилась уже в сумерках. Пока выясняла, где живут студенты, пока шла по бесконечным колдобинам на самую окраину, окошки в домах постепенно гасли, и деревня погружалась во тьму. Ориентировалась на светлое пятно, практически не приближавшееся, надеясь, что это именно тот «особняк», который я искала. Так, к счастью, и оказалось. Но одновременно выяснилось, что мчалась я абсолютно напрасно, так как почти все студенты уехали в Воронеж ещё утром, а осталось до завтрашнего утра несколько человек вместе с Кулиничевым, которые просто не поместились в утренний автобус. Мои однокурсники уехали все, а коротали последнюю ночь в деревне ребята на год старше нас. Спали все на полу в большой комнате, а у Вадима Георгиевича была малюсенькая проходная комната, где стояла кровать, а у стены притулился микроскопический стол. Под столом, как выяснилось позже, стоял катушечный магнитофон. По-

чему ПОД столом объяснялось прозаично – единственная в комнате розетка находилась именно там, а такой роскоши, как удлинители и тройники, не предусматривались тогдашним потребительским планом. Все уже «ситно» поужинали, доев последние запасы, но на мои скромные гостинцы в виде воронежских пряников накинудись, как изголодавшая стая давно отвыкших от цивилизации людей. Я начала оглядываться, присматривая свободный матрас, на который можно было бы рухнуть в ожидании отъезда, намеченного на раннее утро, о чем молил и вопил мой скелет, измученный весьма относительным отдыхом в предыдущие тридцать шесть часов, проведенные в плацкартном поезде, да добавленными к этому дневными мытарствами. И тут неожиданно Кулиничев, который с каким-то особенным блеском в глазах посматривал на меня последние полчаса, спросил, не хочу ли я послушать песни Владимира Высоцкого. Немыслимо модного уже тогда барда я – как на тот момент была убеждена – знала, но отказать преподавателю было бы просто неприлично.

С тех пор прошла вечность, называемая жизнью, но этот случай стал своеобразным мерилom для меня в отношениях между людьми, между потребностью дать и необходимостью принять, между желанием открыть целый мир и откровенной самодостаточностью, разницей между художником и кустарём. Последующие 5–6 часов мы провели под этим самым столиком, стоя, извините, на карачках (то есть наши головы и руки были под столом, а остальные части тела мощно высывались наружу – излишней худобой ни я, ни Вадим Георгиевич не отличались). Пленка была, очень корректно говоря, не самого лучшего качества, скорее, просто отвратительного. Рвалась каждые 20–30 секунд, при этом шипела и заглатывала целые фразы, неприлично картавя и шепелявя, что почти не напоминало голос-выдох Высоцкого. Но Кулиничев ничего этого, казалось, не замечал. Он был просто счастлив возможности приобщить ещё одного отдельного индивидуума из человечества в целом к мудрости и таланту неординарного, столь почитаемого им человека. Вначале дело шло плохо: пленка рвалась, Вадим соединял кончики, неловко склеивал их, запускал, поворачивал лицо с горящими от восторга глазами ко мне и... всё снова останавливалось, и процесс срочного ремонта вынужденно повторялся снова и снова. Но вскоре мы удачно объединили усилия. Вадим держал концы пленки, я мазала их клеем, быстренько запу-

скали магнитофон опять. Всё, что я не понимала из услышанного, мне дублировал Кулиничев, почти каждый раз спрашивая у меня: «Ты поняла? Ты чувствуешь?» Я не понимала и половины и почти ничего уже давно не чувствовала, но это восхищенное лицо, горящие глаза, душевный трепет и радостное воодушевление человека, далеко, естественно, не в первый раз проделывающего подобное и отдающегося процессу всеми фиброчками души, захватывало, не позволяло сдаться и запросить пощады. Наступило утро. Мы долго разминали ноги, чтобы обрести возможность двигаться. Вадим Георгиевич, усталый донельзя, но всё такой же радостно-взволнованный, бережно упаковал своё сокровище в большую сумку.

Вернувшись домой, первое, что я сделала, постаралась разыскать все записи Высоцкого, ходящие тогда среди студентов, записанные на «костях» (люди нашего поколения прекрасно знают, что я имею в виду), чтобы прослушать все его песни в более или менее нормальном звучании. И даже то, что мне ещё совсем недавно не нравилось в Высоцком, казалось неестественным и показушным, стало восприниматься иначе. Я вслед за миллионами открыла его для себя, и это произошло только и исключительно благодаря Вадиму Георгиевичу Кулиничеву.

И ещё одно воспоминание из моего студенчества. Воспоминание-боль, воспоминание-реквием. Имя ему Вика Биценко. Солнечная Вика – уже не помню, почему я её так называла. Что-то было в ней такое – редкое, притягательное. Мы не дружили с ней, даже разговаривали крайне редко. У меня была своя жизнь: раннее, на втором курсе, замужество, рождение в первом семестре третьего дочери Алёнки, съёмная квартира, семейные заботы. После рождения ребенка мне пришлось оформить отсрочку от сдачи зимней сессии до марта месяца. Об однокурсниках в ту пору я вспоминала мало. И внезапно звонок от Вики: «Таня, можно я приеду к вам с Сашей и поживу – мне надо срочно сменить квартиру, а у меня не сдан экзамен по тележурналистике – ездила к жениху в Белгород, пропустила. Приеду – всё расскажу». – «Да, конечно приезжай. Кстати, мне тоже тележурналистику сдавать, а учебника нет. Вот вместе и подготовимся!».

Продиктовала наш адрес, рассказала каким автобусом ехать. Настаиваю – Вика была совершенно спокойна, абсолютно адекватна. Сказав, что должна ещё съездить в деканат за направлением на экзамен,

а оттуда, мол, сразу к нам, Вика повесила трубку. Это был последний наш разговор. Часа 2–3 мы вспоминали её, а потом, решив, что она просто передумала или у неё что-то изменилось в лучшую сторону, мы успокоились. Звонила она мне из автомата, мобильной связи, естественно, не было и в помине. И только на следующий день мне позвонила Оля Прасолова и сказала, что Вику нашли недалеко от конечной остановки автобуса в нашем районе, истекающую кровью, вскрывшую себе вены. Что их уже опрашивали в прокуратуре, и следователь, ведущий дело, недоумеает, как Вика оказалась в чужом для неё районе...

Я немедленно поехала в прокуратуру. Первое, что я увидела, войдя в кабинет к следователю, открытый старенький небольшой чемоданчик с Викиными вещами, необходимыми для проживания у нас, сверху лежал учебник по тележурналистике. А на соседнем стуле – Викин красивый вязаный берет с налипшими на него хвойными иголками. Я смотрела на эти, казалось, ещё живые вещи и слушала следователя, рассказывающего мне про мертвую Вику, которая в лесополосе, почти рядом с конечной остановкой автобуса, вскрыла себе вены пилкой для ногтей, а потом, испугавшись, ползла в сторону людей, пока силы не покинули её. Этот её путь, наполненный ужасом, не позволивший прожить длинную жизнь, полную стихов и любви, ставший навсегда границей между будущим и бессмертием, мучил меня на протяжении десятилетий. Ведь это не она выбрала его себе, это некто умело и равнодушно подтолкнул её к такому решению, отказав в доверии, поселив в сердце 19-летней девочки смертельный страх, который оказался сильнее ужаса перед самой смертью. Что произошло в деканате, что около него – мы не знаем. Но знают и – я лично очень на это надеюсь! – помнят те, кто фактически принудил её к подобному поступку...

Следователь потом мне рассказал, что хозяйка, обвинившая Вику в краже кольца и заявившая об этом в деканат, на следующий же день прибежала к нему в слезах и показывала злополучное кольцо – она сама его положила в другое место и не смогла найти. Но Вику не ссора с квартирной хозяйкой испугала! Повторю, со мной она разговаривала совершенно нормальным тоном, тоном человека, которому нечего было стыдиться и тем более бояться.

Я до сих пор не смогла простить виновным смерть Вики Биценко, такое я прощать не умею. И не хочу.